

УДК 728.8 [470-25] (082)
ББК 85.113 (2)1 И20
Р 89

Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 9(25)
Колл. авторов. Научный ред.-сост. М.В. Нащокина. М., Издательство «Жираф»,
2003. 640 с. илл.

Десятый выпуск сборника «Русская усадьба» посвящен юбилейной дате в жизни ОИРУ — десятилетие его возрождения. В издание частично (остальное будет помещено в сборник № 10) вошли материалы юбилейной научной конференции, посвященной «Русская усадьба в контексте отечественной и мировой культуры», состоявшейся в 2002 году в Государственном Историческом музее. Структура сборника отражает, как общие, так и частные проблемы современного усадебоведения. В первые два раздела сгруппированы материалы, наиболее точно соответствующие теме конференции. Они освещают некоторые общие вопросы усадебоведения, а также сопоставления русских и западноевропейских усадеб в различных аспектах. Традиционно в сборник вошли новые исследовательские работы по столичным и провинциальным усадьбам, поступившие в ОИРУ за последнее время, неопубликованные сведения по истории ОИРУ и его основателей, новые библиографические материалы.

На 1-ой и 4-ой страницах обложки — Вид усадьбы Авлакино. Худ. Д. Мергасов. Аква-
рель, гуашь. 1829. Из коллекции А.Л. Кусовина.

Для оформления оборота титула и шмуцтитулов использованы гравюры А.И. Крамника и
произведения русского бисерного шитья 1820-1840-х годов.

ISBN 5-89832-038-5

9 785898 320386 >

- © Общество изучения русской усадьбы. 2003.
- © М.В. Нащокина. Редактура. Составление. 2003.
- © М.В. Нащокина. Оформление. Макет. 2003.
- © ООО «Издательство «Жираф».
- © Архитектурная мастерская С.Б. Ткаченко.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не
может быть воспроизведена и использована в какой
бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 5-89832-038-5

Н.В. Грязнова

КРУПНОПОМЕСТНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В конце XVIII века крупнопоместные дворянские усадьбы приобрели качественно новое содержание, что позволило им занять особое место в системе расселения и сыграть активнейшую роль не только в преобразовании пространства, но и в изменении качества жизни российской провинции. Их значение как элементов системы расселения вышло далеко за рамки рядовых сельских поселений государственного подчинения, и в то же время, качественно отличалось от роли городов. То влияние, которое оказали дворянские «гнезда» на формирование культурной среды российской провинции, было возможно только при массовом характере явления. Массовость обеспечивал «средний» помещик. Только строительство тысяч рядовых дворянских усадеб дало возможность перевести Куокую, Останкино, Архангельское из разряда замечательных, но относительно частных случаев, в разряд характерного явления национальной культуры. Появление этого феномена как типичного лишь во второй половине XVIII века, т. е. в период правления Екатерины II, было результатом законодательной политики, проводимой императрицей.

Банальное отсутствие средств на дорогостоящее усадебное строительство не позволяло ему стать массовым явлением раньше. Финансовое положение подавляющего большинства помещиков оставалось относительно скромным. Государственная служба формально не приносила значительных материальных благ¹, и главным источником доходов рядового российского дворянства оставалась земля. В России исторически основная масса земли находилась в государственной собственности, и, начиная с Ивана III, дворяне вынуждены были служить государю для получения поместного олада, который выражался в определённом количестве земли. Поместный оклад постоянно изменялся в зависимости от степени службы, заслуг и провинностей перед великим князем, а при отставке со службы дворянин мог лишиться его совсем. Наличие же вотчин, земельных наделов, передаваемых по наследству, отношение к земле как к собственности принципиально не меняло, так как в России не существовало юридической неприкосновенности недвижимого имущества, о чём будет сказано ниже. Такое положение дел не могло не откладывать отпечаток на культуру хозяйствования.

К началу XVIII века ситуация с земельными наделами дворян ещё более осложнилась. Петр I заменил жалование в виде поместного оклада за военную или гражданскую службу денежным вознаграждением, и дальнейший доступ дворян к земельному наделу был закрыт. Это не значило, что государственные земли перестали переходить в частные руки, но теперь их получали, главным образом, царские

родственники, фавориты, люди, стоявшие близко к государственной власти. При этом надо помнить, что закон о майорате (неделении наследуемой земельной собственности) появился в российском законодательстве только в 1714 году², в реальной жизни часто не соблюдался, а в 1730 году был вообще отменен³. Вот почему, подавляющее большинство русского дворянства, многократно поделив наследственные вотчины, к середине XVIII века осталось практически безземельным.

Необходимость изменения сложившейся ситуации была осознана Екатериной II практически сразу после вступления на престол. Уже в Наказе императрица писала: «Здесь земледелие само собою занимает первое место. Ибо оно одно, гитая людей, может привести в такое состояние, чтоб у них и всё прочее было»⁴. Поэтому екатеринский закон о генеральном межевании коренным образом отличался от всех предыдущих государственных актов о землевадении, в том числе и межевой инструкции, принятой в 1754 году императрицей Елизаветой Петровной. В основу нового закона был положен принцип обеспечения дворян земельной собственностью. В Манифесте Екатерины II провозглашено: «Мы всемиловитейше жалеем и утверждаем, хотя и неправдою в древние времена по проихаю от давних наших предков приуроченныя примерныя земли сверх наложенного в младших выгах числа четвертой тем владельцам, городам и казенного ведомства селам, слободам и деревням, кои в них полюбовно только между соседями своими разведутся»⁵. Это означало, что те земли, которые были распаханы и освоены дворянами незаконно, без государственного на то разрешения, отныне становились законной собственностью помещиков. Уникальность этого мероприятия состояла в том, что земель обеспечивались не отдельные фавориты или члены аристократических фамилий, оно носило массовый характер. Массовость мероприятия означала формирование огромного слоя помещиков «среднего» уровня.

Выход закона о Генеральном межевании был встречен современниками с восторгом. По утверждению А.Т. Болотова, «сей славный манифест произвёл во всём государстве великое потрясение умов и всех владельцев деревенских заставил много мыслить, хлопотать и заботиться о всех своих земельных дачах и владениях»⁶. Смысл подобной «заботы» был очевиден: доказать при всеобщей заинтересованности и круговой поруке, что государственная земля была приурочена после 1765 года, было практически невозможно. Вот почему, после выхода Манифеста, помещики, «вздумава называть все завлаженные ими земли своими, и говорить, что тут никаких пустых и дикополорожих земель не имеется, продолжали не только владеть ими, но ... и более оные распахивать ежегодно»⁷.

Количество земли, перешедшей в частные руки в результате Генерального межевания, было огромным. Во всей империи из 140 млн. десятин земли, обмещёванной к концу XVIII века, около 50 млн. десятин, то есть более трети, приходилось на «примерные» земли⁸. Впервые в российской истории межевание как государственное мероприятие выражало интересы не государства, а частных владельцев. Вот за что после 26 мая 1766 года «представители землевладельцев всех губерний в неопианомом восторге принесли громкие благодарности государине за справедливейшее, точное и милостивое определение прав каждого в изданных для государственного межевания узаконениях»⁹. Только после проведения межевания вопрос дворянских земельных наделов, а, значит и материальных доходов, был решён.

Кроме зависимости экономической существовала и личная зависимость дворян от государства. Российское дворянство практически всегда оставалось сословием служилым. Вначале оно вынуждено было служить под условием получения земельного надела, а введённый Петром I указ об обязательной службе превратил дворян в своего рода государственную «собственность». Всё влиятельное и способное оставляло местность, в провинции «...собирались отставленные от службы старики, да семейства служивших, не имевшие (возможности — Н.Г.) ... по недостатку средств... жить вместе со служащими своими членами»¹⁰. Для строительства в российской провинции дворянских усадеб недоставало главного элемента — присутствия здесь самих дворян. «Вольность и свобода» была объявлена «российскому благородному дворянству» Жалованной грамотой 1762 года, и только после этого оно смогло вернуться в свои наследственные вотчины.

Не последнюю роль в возникновении дворянских усадеб сыграло появление юридического права собственности дворянства на недвижимое имущество, провозглашённое Екатериной II. Право на недвижимость в российском государстве традиционно было призрачным и эфемерным. По выражению В.В. Леонтовича «...пресловутое «отписать на государя» представляло собой ежедневную практику очень недалёкого перед тем прошлого»¹¹. Государева опала, какими бы причинами она не была вызвана, означала, прежде всего, лишение виновного права собственности. Земли, недвижимое имущество отбирались в казну, о правах наследников при этом никогда не вспоминалось. Такого рода наказание практиковалось до середины XVIII века (достаточно вспомнить судьбу светлейшего князя А.Д. Меншикова), поэтому правильно будет сказать, что единственным собственником в России долгое время оставалось только государство. В этих условиях строительство усадеб могли себе позволить единицы, вроде графов Разумовских, находившихся в особом, привилегированном положении. Но это было скорее исключением из правил, и говорить об усадебной культуре как о явлении массовом конечно не приходилось.

Лишь в Жалованной грамоте дворянству юридическое право собственности на недвижимость было закреплено законом: «Благородного наследственное имение в случае осуждения и по важнейшему преступлению, да отдается законному его наследнику или наследникам»¹². Теперь за совершённое преступление дворянина можно было лишить свободы, и даже жизни, но не собственности, она оставалась неприкосновенна. Впервые в российском законодательстве за дворянским сословием было юридически признано неколебимое право собственности. Осознание того, что принадлежащая помещику земля и всё, что на ней построено никогда не будет отнято, полностью и всегда будет принадлежать его семье, коренным образом изменило культуру хозяйствования.

Таким образом, в правление Екатерины II произошло инициированное правительством освобождение дворян от жесткой государственной зависимости в экономическом и политическом смысле слова, и это не могло не повлиять на развитие духовной свободы. После многовекового подчинения дворянина интересам государства и невозможности распорядиться даже собственной судьбой появилась альтернатива, и маятник общественного сознания качнулся в сторону независимости и признания самоценности личности. В противовес общественно-гражданскому характеру городов, «в недрах уездов, куда уезжали для искания спокойствия» (Болотов А.Т.), был создан мир личных интересов и чувств — частный мир дворянской усадьбы.

Но, если город с его ярко выраженной государственной сущностью, и усадьба, главным в которой было личное начало, оказались антиподами в системе общественного сознания, то их роль в формировании новой системы расселения можно считать во многом схожей. В екатерининской модели идеального государства и те и другие должны были занять место пространственных символов государственного порядка — общественно-политического в городах и частно-экономического в усадьбах.

Необходимо оговориться, что рассматривая крупнопоместные дворянские усадьбы Тамбовской губернии как элементы системы расселения, мы, прежде всего, имели в виду те дворянские вотчины, которые можно считать сопоставимыми по качественным и количественным критериям с рядовыми уездными городами, а значит и близкими по тому значению, которое они оказывали на окружающее пространство как элементы цивилизации и культуры. Чтобы обосновать эту равнозначность, необходимо раскрыть систему оценок более подробно и попытаться выявить качественную эквивалентность города и крупнопоместной усадьбы, сравнив их экономический, административный и культурный уровень развития.

Начиная с экономического критерия, мы должны отметить, что в представлении современников дворянская усадьба была определённым «стилем жизни», своеобразной «моделью бытия», где даже хозяйственная деятельность становилась для помещика не просто средством получения материальной прибыли, а своего рода системой самовыражения, попыткой создать свой идеальный мир на территории отдельно взятого имения. В систему идеального усадебного мира входили не только барский дом и сад, но и оранжереи, конские заводы, образцовые фермы и птичники, «различные плантации» (Е.Р. Дашкова), пруды, плотины, мельницы, дороги, словом, всё, что могло свидетельствовать о разумной экономической деятельности владельца.

Но часто и здесь не реальные доходы, а именно доказательство приобщения России к новейшим законам цивилизации, создание картины экономического благоденствия ставилось во главу угла, и на русскую почву переносились европейские приемы земледелия. Так в таврическом имении А.А. Безбородко Корасу-Базар было специально отведено место «для заведения Английской фермы, во образ хозяйства для того края»¹³, и Александр Андреевич обращался к русскому послу в Англии графу С.Р. Воронцову с просьбой прислать и прислать ему английского фермера с семьёй «с обязательством смотреть за скотом, исправлять тамашнее хозяйство и учить людей обоего пола, сколько их будет дано»¹⁴. Такое хозяйствование на английский манер было явлением, если не типичным, то настолько известным в российской провинции, что позднее вылилось в обобщённый литературный образ. Один из героев А.С. Пушкина — Григорий Иванович Муромский («Барышня-крестьянка») «проказничал» в своем имении следующим образом: «Развёл он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями... Поля свои обрабатывал он по английской методе»¹⁵. И, хотя такое ведение хозяйства было оценено соседями как способ «по-английски разоряться», тем не менее подобные «проказы» были далеко не чужды и тамбовским помещикам.

В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, хранящихся в РГАДА¹⁶ кроме основных сведений об имении — принадлежности владения, численность крепостных, количество дворов, общая площадь территории, в том числе пахотных земель, сено-

ков, лесов и прочее — фиксировалось и краткое описание имения: наличие церкви, господского дома, сада, фабрики, завода, мельницы и т.д. Судя по этим данным, «интерлюдный» английский сад часто устраивался в дворянских имениях Тамбовской губернии, а в селе Знаменском И.А. Загряжского и в Периконовских борках С.Н. Ахлябнина были выстроены оранжереи, где выращивали «оранжасы, персики и абрикосы». Что выбиралось в качестве примера для подражания — английская или иная хозяйственная система, было неважно, главным было достижение визуального эффекта, способного, если не поразить зрителя, то хотя бы заставить любоваться облагоустроенной средой. Тамбовский губернский землемер Ф.М. Печерин так описывает имение И.Р. Траубенберга в Борисоглебском уезде: «В Лугвом прельщался отличным во всех частях хозяйственным порядком, великолепием псовой охоты, красивым видом конюшар и лошадей, пожалел только о том, что река тихостью течения более озеру подобна, и что хозяин не любитель садов»¹⁷.

В этот же период в крупных имениях стали появляться зачатки промышленного производства — различного рода перерабатывающие фабрики и заводы. Так по данным 5-ой ревизии (1796 год) в Тамбовской губернии насчитывалось 24 фабрики, и только 4 из них находились в городах, а из 133 заводов в городах было только 53¹⁸. В Бутском имении князей Гагариных Тамбовской губернии были выстроены винокурный, медный плавильный и кирпичный заводы, суконная фабрика, мельница, песопильня, велось производство различных круп, для чего была приобретена «молотильная машина американской конструкции». В их же Петровском имении Борисоглебского уезда находился конный завод, где разводились элитные породы лошадей, манеж, суконная фабрика, мельницы. Таким образом в крупнопоместных усадьбах создавалась высокая культура производства, её экономический уровень не уступал, а зачастую и превосходил экономический уровень рядового уездного города.

Характер профессиональной деятельности жителей крупнопоместной усадьбы в конце XVIII века также был вполне сопоставим со способами приложения труда в уездном городе. И здесь и там промышленное производство находилось в зачаточном состоянии, и главным населением оставались крестьяне, сменявшие в городах своё звание на мещанское. А при развитии в имении промышленного производства, о котором мы упомянули выше, профессиональный состав его жителей оказывался не менее, если не более разнообразным, чем городской, за отсутствием быть может только купеческих торговых функций.

Расширение производства определённым образом влияло на административную организацию дворянского имения. Если городская администрация была искусственным порождением екатерининского законодательства, то изменение административных функций в дворянских усадьбах отражало естественные процессы их экономического развития, усложнение хозяйственной деятельности. Теперь сюда включалось сельскохозяйственное и промышленное производство, обязанности целого штата дворовых людей, а также обширное усадебное строительство, которое велось в этот период в значительных масштабах. Такая производственная структура оказывалась достаточно сложной, не всегда концентрировалась в одном месте и требовала постоянного контроля и координации. Это повлияло на развитие института управляющих и приказчиков, который был оправдан ещё и тем, что хозяева крупнопоместных имений были, как правило, жителями столиц и нередко отсутствовали в своих вотчинах.

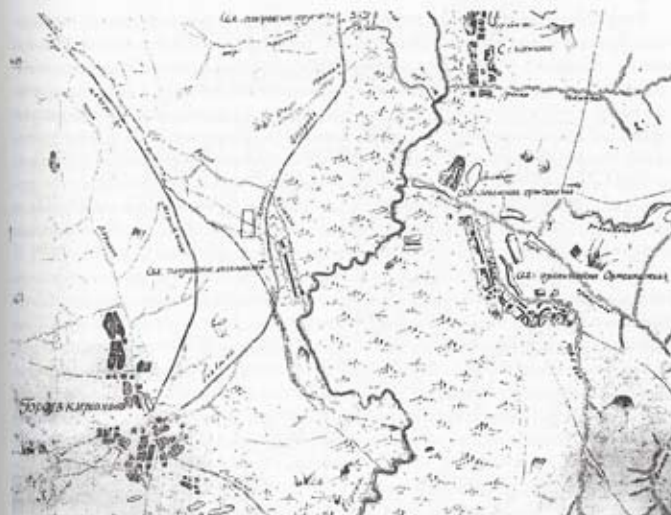

Рис. 1. Сравнение пространственных масштабов планировочных структур уездного города Кирсанова и владельческого села Архангельское (Оржевка).

Административные функции вотчинной канцелярии были, главным образом, направлены на организацию хозяйственной деятельности, но специфика положения помещика состояла в том, что и крепостное население тоже рассматривалось как часть помещичьего хозяйства. Если городской администрации забота о воспитании и развитии населения вменялась законом, то забота о крепостных людях входила в круг хозяйственных полномочий владельца. С этих позиций помещик был заинтересован в благосостоянии своих крепостных, так как от этого в определённой мере, зависело и его благосостояние. Е.Р. Дашкова говорила по этому поводу Дидро: «Я установила в своем орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограбления и притеснений мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому искушать источник собственных доходов»¹⁹. В этих спорах с Дидро экономический довод не выдвигался как главный аргумент. Основное предназначение помещика Е.Р. Дашкова видела в возможности сделать крестьян «счастливыми и богатыми», «защитить их от алчности губернаторов и воевод»²⁰, вести их через просвещение к свободе. «Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан, не разрушая правопорядка и отношений неизбежных при всяком образе правления»²¹.

Безусловно, что образы заботливого помещика и счастливых просвещённых крестьян, благоденствующих под его правлением, были составной частью той идеальной модели усадебного бытия, которая развилась в российской ментальности под влиянием либеральных теорий и просветительских идей XVIII века. Но самым удивительным было то, что эта утопическая модель постепенно и в определенной мере реализовывалась в действительности. Судя по материалам архива князей Гагариных²², вотчинная канцелярия их Бутского имения Тамбовской губернии занималась не только хозяйственными делами. Здесь улаживались споры и тяжбы между крестьянами, составлялись списки холостых парней и девок и волевым путём назначались брачные союзы, распорядением помещика беременные женщины освобождались от тяжелых хозяйственных работ, а малолетним детям правление выплачивало жалование²³. В имении были построены дома для крепостных, и по замечанию бурмистра Василия Зыкова «живущее строение для дворовых сделано крайне обширно, отлично и богато, а по не окуртности жителей скоро потребует поправки»²⁴. Здесь действительно заботились о просвещении крепостных и уделялось внимание их нуждам и физическому здоровью: «Дворовые люди все грамотные, для обучения их имеется школа при имении под надзором приходского священника, получающего жалование от помещика. Имеется козённый общественный запасный магазин и больница на 40 кроватей для пользования крестьян и дворовых людей на иждивении помещика»²⁵. Последняя запись не датирована и, видимо, относится к более позднему времени 1830-1840-м годам, но даже в этот период подобный состав общественных зданий был характерен далеко не для каждого уездного города.

Совершенно особой была роль дворянской усадьбы в сохранении и распространении светской культуры. Духовная свобода, ставшая эстетическим лозунгом классицизма в условиях безграничного усадебного пространства, порождала иллюзию некоторой оторванности от общественной жизни городов, вводила в частный мир чувств и переживаний, давала возможность моделировать его по своим личным представлениям. Дворянская усадьба становилась местом духовного саморазвития ее владельца, хранительницей семейных традиций. Здесь создавались уникальные библиотечные собрания, живописные коллекции. В Тамбовской губернии домашние картинные галереи с работами Рокотова, Левицкого, Боровиковского были в усадьбах Воронцовых (Воронцовка), Бенкендорфов (Сосновка), Енгальчевых (Студенец), Волконских (Павловка) и многих других. Судя по описи имущества князей Гагариных, в их барском доме в селе Петровском насчитывалось 250 картин и около десятка мраморных бюстов и скульптур, в кабинете князя Ивана Федоровича находился медный телескоп²⁶. В усадьбе Ниловых ещё во время правления в Тамбове Державина был заведён домашний театр, а в селе Козинка Козловского уезда помещик Иван Герасимович Рахманинов устроил типографию, где печаталось «Полное собрание всех донные переведённых на российский язык и в печати изданных сочинений господина Вольтера».

Дворянские гнезда обладали тем культурным потенциалом, той культурной энергией, которую вопреки расчётам правительства долго не могли сконцентрировать рядовые уездные города, поэтому роль крупнопоместных имений в облагораживании пространства, в его культурном возделывании оказалась столь значительной. Впрочем, совершен-

КАРТА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

С ПЛОЩАДЬЮ ЧИСТОЙ
КРЕПОСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИЖИВНИ, СЛУЖИМЫМ
ИЛИ УСАДЕБНЫМ ЖИВАНИЕМ С ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

● Живущие свыше 1000 душ мужского пола
▲ Живущие свыше 500 душ мужского пола
Издание карты 1864 г.

Рис.2. Схема размещения на территории Тамбовской губернии крупнопоместных дворянских усадеб, численностью населения свыше 1000 душ мужского пола.

но очевидно, что приравнивая крупнопоместные вотчины к городам по их значению в системе расселения, мы не можем руководствоваться только качественными критериями, и для более полного раскрытия термина «крупнопоместная усадьба» должны ввести количественные характеристики. Это необходимо ещё и по той причине, что в научной литературе не существует строгих определений, а в представлениях современников усадебные понятия были ещё более размытыми. По свидетельству А.С. Пушкина дворян, имевших 5000 душ крепостных, «...покойный граф Шереметьев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить»²⁷, а пушкинская героиня капитанша Миронова, узнав, что отец Гринева владеет 300 крестьянами так же от чистого сердца воскликнула: «Ведь есть же на свете богатые люди!»²⁸.

Стараясь придерживаться показателей более объективных, мы за основу количественного сравнения города и крупнопоместной усадьбы приняли численность населения одного из наименьших уездных городов Тамбовской губернии — Борисоглебска. Согласно данным четвёртой ревизии его население составляло 963 души мужского пола.²⁹ Таким образом, все крупнопоместные вотчины, численность которых не уступала численности Борисоглебска и составляла свыше 1000 человек мужского пола, были включены нами в систему расселения как элементы равнозначные уездным городам. Территориальные размеры города и крупнопоместной усадьбы тоже оказались вполне сопоставимы. Например, размеры градской земли в уездном городе Спаске составляли 113 десятин, а территория села Вознесенского графа К.Г. Разумовского составляла около 100 десятин. Равнозначность пространственных масштабов уездного города и владельческого села можно наблюдать на выкопировке из уездного атласа, где показаны вместе уездный город Кирсанов и село Архангельское, Оржевка тож (рис. 1).

В большинстве случаев сопоставимы оказались и размеры земель, прилегающих к поселениям. Согласно краткому уездному табелю 7-ой ревизии территория Лебедяни (минимальная из всех уездных городов Тамбовской губернии) с выгонными и незаселёнными землями составляла 1466 десятин. Если этот показатель принять за минимальный размер крупнопоместного имения (а он близок к общепринятому в научной литературе — от 1-ой до 2-х тысяч десятин), то, опираясь на архивные материалы генерального межевания³⁰, можно сделать вывод, что крупнопоместных владений с количеством земли свыше 1400 десятин в Тамбовской губернии было около четырехсот, точнее 394.

Однако приравнивание крупнопоместного имения к уездному городу только по территориальным показателям не может быть вполне правомерным, так как значительное земельное владение могло оказаться почти не заселённым, и по объективным характеристикам совсем не соответствовать функциям, сопоставимым с функциями уездного города. Мы также оставляем за границами исследования однодворческие, государственные и экономические села, численность которых составляла свыше 1000 человек. В силу отсутствия в них должного управления и заинтересованности в их развитии эти поселения, даже значительные по размерам и числу жителей не могли занять в системе расселения места, соответствующего уездным городам. Описывая однодворческое село Лысье Горы Тамбовского уезда, А.Т. Болотов рисует следующую картину: «Представьте себе селение, состоящее из 4 тысяч душ и имеющее в себе 4 церкви. Все

дома в них крыты дранью, жители все вольные, никакой работы господской неотправляющие, владеющие многими тысячами десятин земли и живущие в совершенной свободе. Не остается ли по сему заключить, что селу сему надо быть прекраснейшему и походить более на городок, нежели на деревню; но вместо того оно ни к чему не годное, и нет в нём ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенького...как бы вы думали сидели дворы сии и каковы они были? Там двор, здесь другой, инде дворов пять в кучке, инде десять. Те туда глядят, сии сюда, иной назад, другой наперёд, иной боком стоит и ни одного из них живого нет... Хлеба стоят у вас скирдов целая тысяча, а живёте вы так худо, так бедно, так беспорядочно. Вот следствия и плоды мнимого блаженства и драгоценной свободы... отечеству только один стыд вы собою причиняете»³¹.

Так, оставаясь носителями традиционной народной культуры, однодворческие, государственные и экономические села не обладали той широтой функциональных полномочий, той программой развития (пространственного в том числе), которая была заложена в крупнопоместных усадьбах или в провинциальных уездных городах. Они не концентрировали в себе того внутреннего политического, экономического, культурного потенциала, способного повлиять на окружение и сформировать вокруг себя то цивилизованное пространство, которое создавалось политической программой Екатерины II, и при таком качестве не попадают в круг нашего внимания.

Таким образом, в новой системе расселения структурными элементами эквивалентными уездным городам можно считать только крупнопоместные усадьбы, численностью населения (в нашем случае) не менее 1000 душ и территорией свыше 1400 десятин. Таких усадеб в Тамбовской губернии насчитывалось 43 (см. приложение), при том, что уездных городов было всего 12. Большая часть крупных усадеб находилась в Кирсановском (13), Козловском (8), и Моршанском (6) уездах, то есть в центральной части губернии. В других уездах крупнопоместных усадеб насчитывалось от одной до четырех, а в Липецком и Темниковском уездах они отсутствовали. Графическая картина размещения этих усадеб на территории Тамбовской губернии оказалась достаточно неравномерна, и вывести отсюда определённые закономерности не представляется возможным (рис 2). Эта бессистемность, пространственная свобода в расположении дворянских «гнезд» оказалась резко полярной по отношению к равномерно рассредоточенной сети городов, и случайно, но абсолютно верно пространственно, отразила идею личной свободы и даже прихоти частного мира в отличие от идеи государственного порядка, выраженной в системе городского расселения. Так же последовательно идея свободы и порядка с расселенческого уровня спустились на уровень планировочной структуры, но и, поменяв масштаб, они не утратили главную сущность — первая сохранилась в планировке крупнопоместных вотчин, вторая — в градостроительной структуре городов.

Возвращаясь к вопросам расселения, стоит отметить следующую особенность. Уездные города представляли собой крупные, но точечные в масштабе расселения пространственные структурные элементы. Сельские же поселения на уездных картах часто смотрелись крупными пространственными «агломерациями» с небольшими разрывами между отдельными поселениями, а иногда и совсем без них. Примером может служить группа поселений в Кирсановском уезде, где каж-

дое последующее поселение вливалось в предыдущее, и на протяжении нескольких десятков верст тянулось единое обжитое пространство (рис.3). Деревня здесь сменялась селом, владельческое поселение государственным. Они не имели общей планировочной структуры, тем более замечательным было то, что это пространство на большом протяжении оставалось непрерывным, единым, оно как бы перетекало, разливало, но не хаотично, а направленно вдоль дороги и реки.

Возможно, такие агломерационные поселения были характерны для мелкопоместных имений, где отсутствие больших территорий объективно порождало вынужденное соседство. Но и крупнопоместное имение часто не ограничивалось одним поселением, а имело некоторую внутреннюю сеть поселений, связанных между собой. На территории Петровского имения князей Гагариных кроме села Петровского располагались ещё деревни Александровка, Добрая, Сергеевская, Варварино, Колымазовские и Канинские хутора. Судя по тому, что село в имении было только одно, а значит одна церковь и общий приход, все эти поселения должны были

располагаться в пределах пешеходной доступности, т.е. возникла некоторая агломерационная поселенческая структура, объединённая в единое целое административно-хозяйственными, транспортными, культовыми и другими связями. Преследуя цели максимального использования сельскохозяйственных территорий, эта структура имела тенденцию к расширению, развитию. Уездный город, не обладая подобными функциями, оставался элементом точечным, причем новые подтверждаемые планы были направлены на придание максимальной компактности провинциальному городу и искусственно провоцировали создание «скачкого» пространства.

Рис.3. Сеть сельских поселений сложившаяся к концу XVIII века в Кирилловском уезде Тамбовской губернии.

Несмотря на различные принципы планировочного развития роль крупнопоместной усадьбы в создании культурного пространства Тамбовской губернии оказалась не менее значительной, чем роль провинциальных уездных городов. Особенно важным это было для Кирилловского, Маршанского и Спаского уездов, где новые города были назначены из вышних слобод и сел. Только крупнопоместные усадьбы могли здесь восполнить собой те функции общественно-культурного центра, которые по закону «Учреждения для управления губерний» должны были осуществлять города. Сформировать управленческо-административные и хозяйственные функции в слесах, объявленных волей императрицы городами только в 1779 году, оказалось возможным в короткий срок, но создать культурную среду одним правительственным указом было нельзя. Поэтому такие города ещё долго только номинально считались культурными центрами округи, эти полномочия, по сути дела, осуществляли окружающие их дворянские усадьбы.

К концу XVIII века территории Тамбовской губернии оказалась напалена дворянскими «незданием», в которых насчитывалось 1454 господских дома, к 1816 году их количество возросло до 1592. Именно усадебный дом стал визуальным знаком концентрации культурного пространства, символом много мироощущения и бытия. Частный, обособленный мир, устроенный на природе, не мог не поплыть под влиянием природных законов гармонии, и, подвигившись им, он не завоевал и не разрушил пространство, а органично растворился в нём. Усадьба оказалась не просто приближена, но и абсолютно стармонизирована с природой, здесь в гармонию природную была внесена (а может быть ей порождена) гармония духовная. И, если регулярный город можно считать элементом цивилизации российской провинции, то дворянская усадьба стала скорее элементом, архитектурно-пространственным образом духовной культуры. Сеть крупнопоместных усадеб Тамбовской губернии, наложившись на вновь сформированную сеть городов, составила тот каркас культурного пространства Российской империи, отобразив на который реализовывались императорские политические и пространственные идеалы. В виду значительного количественного доминирования крупнопоместных имений, их роль в этом каркасе была, если не основополагающей, то, во всяком случае, равнозначной провинциальным уездным городам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так Е.Р. Дашкова как президент двух российских академий получала в год всего три тысячи рублей, тогда как небольшое, по мнению княгини, ее имение Троицкое приносило ей свыше сорока тысяч.
2. ПСЗРИ № 2789
3. ПСЗРИ № 5653
4. Наказ императрицы Екатерины II данной комиссии о сочинении проекта Нового уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С.157
5. ПСЗРИ № 12474
6. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков 1738-1793 гг. Т.2. СПб., 1871. Ст.324
7. Болотов А.Т. Указ. соч. Т.3. СПб., 1872. Ст.246
8. См. Милов Л.В. Исследование об экономических примечаниях к генеральному межеванию. М., 1965. С.19

9. Цит. по Милов Л.В. Указ. соч.
 10. Ченулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889. С.29
 11. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995. С.31
 12. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С.29
 13. Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. В 2-х т. Т.1. СПб., 1789. С.398
 14. Там же. С.398
 15. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. Т.3 Проза. М., 1986. С.85
 16. Ф.1355 оп.1573-1676
 17. Печерин Ф.П. Записки о моих предках и о себе на память детям в 1816 году сделанныя. // Русская старина. Т.72, №12. М., 1891. С.612
 18. РГАДА Ф.1355 оп.1 д.1571
 19. Дашкова Е.Р. Литературные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисево-вой. М., 1990. С.118
 20. Там же. С.118
 21. Там же. С.119
 22. См. РГАДА Ф.1262
 23. РГАДА Ф.1262, оп.1, ч.III, д.4991
 24. Там же. Д.5064 п.2
 25. Там же. Д.5832 л.5-5 об.
 26. РГАДА Ф.1262, оп.4, д.492, л.1-16
 27. Пушкин А.С. Указ. соч. С.350
 28. Там же. С.247
 29. ОР РНБ. Табель или экстрат из сочиненного Тамбовского наместничества топографического описания 1787 г.
 30. РГАДА Ф.1355
 31. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков 1738-1793 гг. Т.3. СПб, 1872. Ст.79-80.

Приложение

Поузедный перечень помещичьих сел Тамбовской губернии, с числом жителей свыше 1000 душ мужского пола, составленный по материалу РГАДА ф.1354, оп.482-493. 1785 г. Планы дач Генерального межевания.

№	Звание дач	Владельцы	Число душ	Всего земли десятин	
Борисоглебский уезд					
1	с. Большие Алабухи	Воронцов С.Р.	1132	16065	2189
2	с. Андреевское	Кологривова А.С.	1201	13895	498
3	с. Суземское	Сазонова Ф.С. с проч.	1024	23410	1813
Елатовский уезд					
4	с. Куземыно	Баталова Н.Р.	1497	9565	177
5	с. Сасово	Гагарина А.И. с проч.	1432	2380	209
Кирсановский уезд					
6	с. Адамьинское	Арбеюва И.П. с проч.	1483	15308	1991
7	с. Богородское	Шипкова Я.Ф. с проч.	1342	13742	1331
8	с. Богословское	Егодиной Н.К. с проч.	1325	10913	88
9	с. Болотова	Болотова А.Т. с проч.	1078	10275	1787
10	с. Золотое	Полтавской Д.А.	1762	12648	2110
11	с. Иняковка	Свицова С.С.	1844	19599	546
12	с. Комодьинское	грузинского паренича с проч.	2152	32995	-
13	с. Комодьинское	Рахманова с проч.	6218	42342	1843
14	с. Новоархангельское	Васильчикова А.С. с проч.	1430	19851	1334
15	с. Покровское	Вулякина Ф.И. с проч.	1025	15900	1860
16	с. Покровское	Лопатиной Е. с проч.	1116	6915	270
17	с. Паренка	Хлюпиной А.А. с проч.	1328	10786	-
18	с/д. Хутора	Пышкова А.И.	1671	12648	210
Козловский уезд					
19	с. Богородицкое	Заборова И.А.	1169	7720	1087
20	с. Глазок и Фроловское	Коверина Н.И. с проч.	1014	13321	1322
21	с. Ерок	Рахманова Ф.И. с проч.	1370	10133	2080
22	с. Иловой	Назарова В.А. с проч.	1789	15388	1902
23	д. Новинкиловская	Селиверстова А.М.	1117	1089	712
24	с. Стужки	Сафонова П.А. с проч.	1373	13853	366
25	Хмельная слобода	Сазонова Ф.П. с проч.	2063	24028	274
26	с. Челновой островок	Сабурова А.Я. с проч.	1151	14428	1540
Лебедянский уезд					
27	с. Калачино	Досырева А.И. с проч.	1319	15042	1395
28	с. Спасское	Матешной А.А.	1553	8439	1233
Моршанский уезд					
29	с. Благоуспенское	Андреевской и Полтавской	1326	16375	94
30	с. Кулики		1500	17482	944
31	с. Мамонтово	Кутайкова Н.П.	1000	4687	1180
32	с. Никольское	Ахимова Я.Д.	1119	11999	1223
33	с. Раква	Глилова П.О.	1000	9360	-
34	с. Сокотышино	Кологривова А.С.	1292	4628	2153
Спасский уезд					
35	с. Ровдествино	Енгальцева И.В. с проч.	5348	66124	581
36	с. Спасское Буты тож	Гурьева А.Т.	1674	25693	1420
Тамбовский уезд					
37	с. Алевтасьевское Бондами тож	Гардениных	1008	3120	576
Узеньский уезд					
38	с. Матренки	Поталова с проч.	3360	14799	158
39	с. Новоаугустинское	Вельяминова Н.В. с проч.	2810	24396	1386
Шанский уезд					
40	с. Волосенское Тородей тож	Рауновского К.Г.	1258	9174	1418
41	с. Лопьное и Копобево	Нарышкина Д.Л.	5341	56225	325
42	сс. Томшицы Старое и Новое	Ворошиной И.И.	2839	28321	1932
43	Черная слобода г. Шапки	Рауновского К.Г.	1271	5573	973